«Первоначальный курс обучения» В. А. Жуковского: опыт реконструкции и анализа визуального ряда

Д. В. Долгушин, Н. Л. Панина

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Введение. Цель статьи – исследовать малоизученный педагогический проект В. А. Жуковского последних лет жизни («Первоначальный курс обучения», далее «Курс») с точки зрения взаимодействия в нем вербальных и визуальных элементов.

Постановка проблемы. Основная часть работы над «Курсом» пришлась на 1848–1851 гг. Создаваемые разработки поэт апробировал на уроках со своей дочерью. «Курс» должен был состоять из трех частей: 1) языка; 2) математики; 3) Священной истории. Для каждой из этих частей Жуковским были подготовлены наглядные таблицы, которые являются оригинальным опытом комбинации вербального и визуального (графического) материала. Ставка на визуальность, эксперименты с ней для середины XIX в. были новаторской педагогической стратегией. Анализ используемых Жуковским приемов сочетания визуального и вербального позволит обнаружить связь между творческими стратегиями Жуковского-поэта и Жуковского-педагога.

Обсуждение результатов исследования. Типы графических элементов, задействованных в «Курсе», очень разнообразны: это сюжетно-образные изображения, пиктограммы, идеограммы, символы, их комбинации, подобные идеографическому письму, а также диаграммы, в которых используются различные способы цветового выделения элементов. На основе рукописного материала из фонда Жуковского в РНБ в статье подробно анализируются самые важные из них: сюжетно-образные изображения, схемы и мнемонические символы. В ходе исследования идентифицируется характер взаимодействия знаков различной природы в гетерогенной (визуально-вербальной) среде «Курса» и обнаруживается, что в материалах «Курса», относящихся к Священной истории, используется модель креолизованного, а в материалах по математике и языку – поликодового текста.

Факт взаимодействия в «Курсе» различных семиотических систем имел для Жуковского принципиальное значение. Процесс концентрации, «свертывания» содержания в визуальные знаки-идеограммы, а затем нарративного развертывания его в процессе ответа ученика составлял методическую основу разрабатываемой им визуальной дидактики. Приемы, использованные Жуковским-педагогом, можно сопоставить с приемами, использованными Жуковским-лириком в манифестах его «поэтической философии» – стихотворениях «Невыразимое» и «Лалла Рук». Оба эти текста представляют собой экспликацию романтического двоемирия, но в «Невыразимом» идея двоемирия артикулирована с помощью суггестивной поэтики, а в «Лалла Рук» – с помощью поэтики эмблематической. В поэтике «Невыразимого» господствует отказ от фигуративности в пользу сложным образом интонированной атмосферности, который близок художественному языку живописи. В противоположность «Невыразимому» образный язык стихотворения «Лалла Рук» фигуративен настолько, что это стихотворение можно считать экфрасисом барочной эмблемы. Суггестивная живопись и эмблематическая графика – вот два полюса, между которыми колеблется и художественный, и поэтический, и педагогический язык Жуковского. Стилистика «Курса» близка, конечно, ко второму из этих полюсов.

Выводы. На замысел «Курса», несомненно, повлияли такие виды семейного общения взрослых и детей, как домашняя фантазийная игра (проигрывание книг и сюжетов), настольная игра (карточные и иные обучающие игры, кассы слов), игра в шарady. Но кроме того, очевидно влияние переводческой деятельности Жуковского и определенной специфики его художественного сознания, своеобразной «привычки к переводу», проявляющейся в множестве способов передачи одного значения в разных формах, визуальных и метафорических.

Ключевые слова

В. А. Жуковский, романтизм, эмблематика, визуальная дидактика, креолизованный текст, поликодовый текст, домашняя педагогика в России XIX в.

Благодарности

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-012-00529)

Для цитирования

Долгушин Д. В., Панина Н. Л. «Первоначальный курс обучения» В. А. Жуковского: опыт реконструкции и анализа визуального ряда // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 2: Филология. С. 94–109. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-2-94-109

***Initial Course of Study* by V. A. Zhukovsky: Experience of Reconstruction and Analysis of Visuals**

D. V. Dolgushin, N. L. Panina

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

Purpose. The aim of the article is to investigate the little-studied pedagogical project of V. A. Zhukovsky in the last years of his life (*Initial Course of Study*, hereinafter – *Course*) from the point of view of the interaction of verbal and visual elements in it.

V. A. Zhukovsky mainly worked out the *Course* in 1848–1851. He tested it in class with his daughter. The ‘course’ was to consist of three parts: 1) language; 2) mathematics; 3) Sacred History. For each of these parts, Zhukovsky prepared visual tables, which were original experiments in combination of verbal and visual (graphic) materials. The emphasis on visuality and experiments with it were innovative pedagogical strategies for the mid-19th century. An analysis of the techniques used by Zhukovsky to combine the visual and the verbal will reveal the connection between the creative strategies of Zhukovsky the poet and Zhukovsky the teacher.

Results. Types of graphic elements involved in the *Course* are very diverse: plot-shaped images, pictograms, ideograms, symbols, their combinations similar to ideographic writing, as well as diagrams that use various methods of color selection of elements. Based on handwritten material from the Zhukovsky Foundation in the Russian National Library, the article analyzes in detail the most important of these: plot-shaped images, diagrams and mnemonic symbols. We identify the nature of the interaction of signs of different nature in the heterogeneous (visual-verbal) environment of the *Course* and find that in the materials of the *Course* related to Sacred History, the model of creolized text is used, and in the materials on mathematics and language – polycode text.

The fact of various semiotic systems interaction in the *Course* was very important for Zhukovsky. The process of concentration, ‘folding’ the content into visual signs-ideograms, and then narratively unfolding it in the process of the student’s response formed the methodological basis of the visual didactics. The techniques used by Zhukovsky as a teacher can be compared with the techniques used by Zhukovsky as a lyricist in the manifestos of his ‘poetic philosophy’ – the poems *The Inexpressible* and *Lalla Rookh*. Both of these texts are explications of the romantic duality, but in the *The Inexpressible* the idea of the duality is articulated with the help of suggestive poetics, and in the *Lalla Rookh* with the help of emblematic poetics. The poetics of *The Inexpressible* is dominated by the rejection of figurativeness in favor of a complex way of intonated atmospherics, which is close to the artistic language of painting. In contrast to *The Inexpressible*, the language of the poem *Lalla Rookh* is so figurative that this poem can be considered an ekphrasis of the Baroque emblem. Suggestive painting and emblematic graphics are the two poles between which Zhukovsky’s artistic, poetic, and pedagogical language fluctuates. The style of the *Course* is close, of course, to the second of these poles.

Conclusions. The idea of the *Course* was undoubtedly influenced by such types of family communication between adults and children as domestic make-believe games (playing books and stories), board games (cards and other educational games, word registers), games of charades. But in addition, the influence of Zhukovsky’s translation activity and a certain specificity of the figurative activity of his artistic consciousness, a kind of ‘habit of translation’, manifested in the multiplying ways of transmitting the same meaning in different forms, visual and metaphorical, is obvious.

Keywords

V. A. Zhukovsky, romanticism, emblematics, visual didactics, creolized text, polycode text, home pedagogy in Russia of the 19th century

Acknowledgements

The study was conducted with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (project no. 20-012-00529)

For citation

Dolgushin D. V., Panina N. L. *Initial Course of Study* by V. A. Zhukovsky: Experience of Reconstruction and Analysis of Visuals. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 2: Philology, p. 94–109. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-2-94-109

Введение

Начиная с 1805 г., когда В. А. Жуковский взялся за преподавание русского языка и литературы своим племянникам Протасовым, педагогические занятия стали одним из важнейших направлений его творчества. Особенно существенное значение они получили в период придворной службы поэта, когда, будучи учителем великой княгини Александры Федоровны, а затем и наставником наследника престола, Жуковский, по сути, сделался профессиональным педагогом. За два десятилетия педагогической деятельности при дворе Жуковский проштудировал огромный объем педагогической литературы, разработал большое количество конспектов, учебных таблиц, наглядных пособий, придумал собственную методику преподавания. Но эти разработки часто оставались не доведенными до конца и не воплощенными на практике, так как Жуковский, вынужденный подстраиваться под других учителей, преподававших наследнику престола, не поспевал за общим ходом уроков, о чем сам потом с сожалением вспоминал в переписке со своим повзрослевшим учеником¹.

В последние годы жизни, уже выйдя в отставку с придворной службы и живя с семейством в Германии, поэт взялся за систематизацию своего педагогического опыта и вознамерился разработать «Первоначальный курс обучения» (далее «Курс»), который должен был стать итогом и обобщением его преподавательской деятельности. Курс этот предназначался для домашнего обучения детей в возрасте от 9 до 14 лет. Его замысел возник осенью 1845 г., когда Жуковский собирался начать готовить его для сыновей своего воспитанника вел. кн. Александра Николаевича. Старшему из них, Николаю, исполнилось тогда два года. До достижения ими школьного возраста, оставалось пять-шесть лет, которые поэт и хотел употребить на разработку курса. Однако начавшаяся в 1846 г. болезнь жены помешала Жуковскому приступить к реализации этого проекта. Поэт вернулся к нему только в 1848 г., когда к школьному возрасту приблизились его собственные дети – дочь Александра (1842 г. рождения) и сын Павел (1845 г. рождения), именно этим временем датируются первые наброски материалов «Курса» в тетрадях Жуковского. Одновременно с разработкой Жуковский взялся за апробацию «Курса» на уроках, которые зимой-весной 1851 г. проводил в ежедневном режиме (с перерывами только на воскресенья) со своей дочерью². Ухудшение здоровья поэта осенью 1851 г. и его кончина прервали работу над «Курсом». Тем не менее даже на смертном одре Жуковский не прекращал думать о «Курсе» и порывался показывать своему духовнику священнику Иоанну Базарову разработанные для «Курса» таблицы.

Исследовательская литература, посвященная этому эпизоду педагогической деятельности первого русского романтика невелика, но в ней уже изучен ряд сюжетов: реконструирована история создания «Курса», выявлена его структура, обнаружен и описан архивный материал, относящийся к «Курсу», исследован круг педагогического чтения Жуковского 1840-х гг. (см., например, [Добровольская, 2005; Никонова, 2014; Долгушин, 2015; 2018]. Однако остается невыясненной центральная для понимания «Курса» тема особенностей взаимодействия в нем вербальных и визуальных элементов. Между тем именно она определяет место «Курса» как в истории русской педагогики, так и в творчестве Жуковского.

¹ «Учение шло вперед своим чередом, за ним тащились мои таблицы и почти всегда опаздывали, и преподаватели не могли ими пользоваться сами, и таким образом не могло установиться одного общего хода, которым бы все части преподавания приведены были в одно стройное целое. <...> Все это произошло оттого, что материалы преподавания не были приготовлены заранее» (письмо Жуковского вел. кн. Александру Николаевичу от 30 октября (12 ноября) 1845 г.) (Жуковский, 1885. С. 501–502).

² См. отметки о проведенных занятиях в специальном журнале (РГБ. Ф. 104. Карт. 1. № 21).

Постановка проблемы

В набросках предисловия к «Курсу» Жуковский декларировал свою приверженность двум основополагающим методическим принципам: принципу доступности («от близкого к далекому, от знакомого к незнакомому») и принципу «самобытной деятельности»³ (т. е. активности, самостоятельности) учащегося⁴. Особенно много он пишет о втором из них. Большим достоинством своей «методы» Жуковский считает то, что она «отстраняет все механическое, развивает деятельность умственную <...> и помогает учащемуся самобытно присвоивать то, что ему преподается учителем»⁵.

Для того чтобы реализовать этот принцип, Жуковский наполнил «Курс» разнообразными визуальными элементами. Собственно, в итоговом виде «Курс» и должен был состоять из наглядных таблиц и пояснительных материалов к ним⁶. Эта методическая стратегия резко выделяет Жуковского-педагога на фоне эпохи. По наблюдению Е. Ю. Ромашиной и И. И. Тетерина, в первой половине XIX в. визуальный ряд в российских элементарных учебниках был, как правило, неразвит и обречен на «дидактическое бездействие» [Ромашина, Тетерин. С. 256]. Только к концу XIX в. он вышел из этого состояния и стал играть ведущую роль в дидактическом пространстве книги. Педагогическая деятельность Жуковского, таким образом, выделяется новаторским акцентом на визуальной дидактике. Можно сказать, Жуковский делает ставку на визуальность, экспериментирует с ней. Анализ используемых им при этом приемов и является целью настоящей статьи. Он позволит обнаружить связь между творческими стратегиями Жуковского-поэта и Жуковского-педагога.

Терминология исследования

Прежде чем переходить к этому анализу, нужно определиться с терминологией, которая будет использоваться в ходе нашего исследования. Насколько мы можем судить, в настоящее время среди специалистов по истории элементарной учебной литературы сложилось два подхода к трактовке визуальной дидактики.

В рамках *когнитивно-семиологического* подхода в учебных изданиях выделяются «собственно визуальные средства (*образные*, то есть картинки с изображениями предметов, названия которых начинаются с нарисованной рядом буквы; и *графические*, то есть таблицы с буквами, дифтонгами, слогами, словами)», которые противопоставляются текстам [Школьные пособия..., 2017. С. 105]. В рамках *комплексного* подхода вводится понятие *визуального ряда* как особого рода целостности [Ромашина, Тетерин, 2019. С. 256], состоящей из различных элементов, к числу которых относят изобразительные элементы (иллюстрация, репродукция картины, рисунок); художественные элементы оформления (виньетка, заставка, орнамент, рамка); графические элементы (схема, схематический рисунок); графические элементы оформления (линия, выделение, шрифт, интервал) [Ромашина и др., 2019. С. 17].

Для целей нашего исследования термин «визуальный ряд» представляется продуктивным, но требующим некоторого уточнения в связи с тем, что все визуальные составляющие в «Курсе» относятся к графике – если (придерживаясь искусствоведческого определения) по-

³ РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 128. Л. 1.

⁴ Принципы доступности и активности были дидактическими аксиомами передовой педагогики XVIII – первой половины XIX в. Жуковский усвоил их из знакомства с современной педагогической литературой, в которой был весьма начитан.

⁵ РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 128. Л. 2.

⁶ «Курс» Жуковского, судя по всему, должен был состоять из трех частей: 1) язык; 2) математика; 3) Священная история. Такого рода конфигурация «Курса», соединявшая элементарное обучение с катехизическим наставлением, была вполне традиционна для педагогики Нового времени. Она определяла содержание букварей еще с XVI в., когда буквари воспринимались одновременно и как «начальные учебники грамоты», и как «учебники религии» [Школьные пособия..., 2017. С. 22]. Для каждой из этих частей Жуковским были подготовлены таблицы, сохранившиеся в РНБ (Ф. 286. Оп. 1. № 132-а (таблицы по математике); № 132-б (таблицы по русскому языку), № 131 (таблицы по Священной истории)). Эти таблицы являются оригинальным опытом комбинации вербального и визуального (графического) материала.

нимать под графикой не только схемы, таблицы, шрифты, но и все те изображения, в которых в качестве базового компонента использована линия (в противоположность живописи, основанной на цвете), в том числе рисунки и гравюры.

Акцент на том, что визуальный ряд «Курса» графичен, важен для нас, поскольку позволяет вписать визуальную эстетику «Курса» в более широкий контекст творчества Жуковского, и не только изобразительного. Как известно, Жуковский был неплохим художником-графиком (рисовальщиком и гравером), и, можно сказать, обладал особым типом художественного восприятия, сформированным графической традицией эпохи. Предпринимал он попытки заниматься и живописью. В некотором смысле графика и живопись были двумя художественными языками, в соответствие которым можно поставить два способа поэтического высказывания, сложившиеся у Жуковского в 1810–1820-х гг.

С наглядной противоположностью эти способы проявились в двух ключевых манифестах «поэтической философии» Жуковского – стихотворениях «Невыразимое» и «Лалла Рук». Оба эти текста представляют собой экспликацию романтического двоемирия, но в «Невыразимом» идея двоемирия выражена с помощью суггестивной поэтики, а в «Лалла Рук» – с помощью поэтики эмблематической. В «Невыразимом» слова и образы развоплощены, лишены определенной формы, превращены, по выражению Г. А. Жуковского, в «ноты эмоциональных звучаний» [1965. С. 49], в своего рода импрессионистические мазки. Они воздействуют не конкретными, а косвенными, ассоциативными значениями. В результате в поэтике этого стихотворения осуществляется отказ от фигуративности в пользу сложным образом интонированной атмосферности, который близок к художественному языку живописи. В противоположность «Невыразимому» образный язык стихотворения «Лалла Рук» определен и фигуративен. Это стихотворение настолько «графично», что его можно считать экфрасисом барочной эмблемы. Суггестивная живопись и эмблематическая графика – вот два полюса, между которыми колеблются и художественный, и поэтический язык Жуковского. Стилистика «Курса» близка, конечно, ко второму из этих полюсов.

Обсуждение результатов исследования

Типы графических элементов, задействованных в «Курсе», очень разнообразны: это сюжетно-образные изображения, пиктограммы, идеограммы, символы, их комбинации, подобные идеографическому письму, а также диаграммы, в которых используются различные способы цветового выделения элементов. Проанализируем основные из них.

Среди *сюжетно-образных* изображений можно выделить собственно иллюстрации, которые широко применялись Жуковским в преподавании Священной истории. Поэт демонстрировал их, повторяя пройденный материал со своей дочерью⁷. Для этого он использовал, по-видимому, гравюры из роскошного издания Библии на французском языке, сохранившегося в его библиотеке (La Bible, 1834–1836) (в оглавлении они отмечены его рукой – вероятно, Жуковский собирался их либо вырезать, либо заказать у книгопродавца).

К сюжетно-образным изображениям относятся и рисунки азбучного характера, которыми Жуковский пользовался при преподавании русского языка. Для обучения языку он изготовил пятнадцать наклеенных на большие картоны (41 × 26 см) таблиц, каждую из которых расчертил на 40 ячеек⁸.

В центре каждой ячейки он поместил рисунок, соответствующий какому-либо слову. По периметру ячейки это слово шифровалось на четырех языках (русском, немецком, французском и латинском) цифрами от 1 до 32. Расшифровка значения всех цифр давалась в колонках, расположенных по правому и левому краям картона. Эти колонки, таким образом, со-

⁷ В письме А. П. Зонтаг поэт так описывал занятия Священной историей с дочерью: «экзаменую, показываю картинки, принадлежащие к рассказанному накануне» [Уткинский сборник, 1904. С. 128].

⁸ РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 132-б.

держали своего рода шифровальные коды, которыми ученик мог пользоваться для прочтения каждого слова как на знакомом, так и на незнакомом для него языке ⁹ (рис. 1).

Рис. 1. Таблица для обучения языку (фрагмент). РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 132-б. Л. 2 об.

Fig. 1. Language learning table (fragment). RNB. S. 286. L. 1. № 132-b. Sh. 2 v.

Приведем примеры. Согласно коду, цифра 5 соответствовала немецкой букве «и», русской букве «у» и французскому диграфу «ои»; цифра 15 – немецкой «д», русской «д», французской «d»; цифра 22 – русской «й»; цифра 20 – немецкой «ö», русской «ё», французской «е» и т. д. Латинские соответствия (впрочем, в большинстве случаев совпадающие с французскими) не указывались. Таким образом, изображение ели, например, было зашифровано следующим образом: «18.13.6. / 23.1.8.19.12. / 1.7.19.18.23. / 16.1.12.12.18.», т. е. «ель / sapin / abyes / Tanne», изображение монарха, сидящего на троне, оказалось подписано: «25.1.14.6. / 23.4.21.9.18.14.1.19.12. / 15.4.11.19.12.5.23. / 32.18.14.14.28.18.14.», т. е. «царь / souverain / dominus / Herrscher». Рисунки Жуковского выполнялись карандашом, часть из них закончена в цвете, часть осталась в набросках. Начиная с X таблицы рисунки сгруппированы тематически: на X помещены изображения еды и посуды, на XI – повозок и сельских орудий труда, на XII – сельскохозяйственных работ и т. д.

⁹ Дочь В. А. Жуковского, с которой он занимался по этим таблицам, знала немецкий и французский (домашние языки в семье), но не знала латинского и русского.

Фактически, перед нами полилингвальный букварь в картинках, знакомство с которым позволяло изучать сразу четыре языка. От обычного букваря своего времени (среди которых были и полилингвальные) он отличался последовательной интерактивностью, применением дидактической игры, основанной на приеме кодирования и декодирования слов.

Для лингвистических игр предназначались и мнемонические таблицы¹⁰. Они наклеены на картоны размером 24, 3 × 24, 6 см и разделены на 100 ячеек (10 × 10). В таблице на л. 1 половина этих ячеек заполнена такими же рисунками, что и в таблицах по русскому языку. По верхнему и по левому краям этой таблицы ячейки пронумерованы от 1 до 10. Таким образом, каждое изображение можно было локализовать по горизонтали и по вертикали, кодируя его этими координатами.

Таблица на л. 2, по-видимому, предназначалась для записи исторических событий: по горизонтали она размечена числами 800, 900, 1000 и т. д. до 1800, а по вертикали – числами 10, 20, 30 и т. д. до 100. С помощью получившейся координатной сетки можно было фиксировать в таблице события истории с точностью до века (горизонталь) и десятилетия (вертикаль), однако Жуковский не воспользовался ей по назначению. Ячейки таблицы он стал заполнять набросками рисунков, причем рядом с рисунком ставились две согласные буквы из соответствующего рисунку слова: дом – дм, ружье – рж, лира – лр, мак – мк и т. д. (рис. 2). В таблице на л. 2 об. то же самое было сделано для французских слов.

Рис. 2. Мнемоническая таблица (фрагмент). РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 133. Л. 2

Fig. 2. Mnemonic table (fragment). RNB. S. 286. L. 1. № 133. Sh. 2

Каковы были правила лингвистической игры, для которой предназначались таблицы на л. 2, 2 об., можно только догадываться, но для таблицы на л. 5 они очевидны. Эта таблица по вертикали и по горизонтали размечена группами букв, обозначающих парные или близкие по месту образования звуки: с, з / д, т / н / м / р / л / ж, ш, щ, ц, ч / г, к, х / в, ф / б, п. В клетках на пересечении получившихся координат следовало записывать слова, в которых эти звуки встречаются. Так, на пересечении «координат» «д, т» и «л» Жуковский записывает: «долина», «долото»; на пересечении «д, т» и «ш, щ, ч, ж» – «дождь», «дышло», «душа», «тишка», «туча» и т. д.

Пока неизвестно, была ли методика лингвистических игр полностью авторской, или Жуковский опирался на чьи-то разработки. Несомненно, в своей визуальной составляющей она

¹⁰ РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 133. Л. 1, 2, 2 об., 5.

опосредованно восходит к «Orbis sensualium pictus» Яна Амоса Коменского – первой книге для обучения, которая «системно опиралась на визуальный ряд для воплощения философско-педагогических идей» [Школьные пособия..., 2017. С. 292]. Как и «Orbis pictus», таблицы Жуковского предназначены для полилингвального обучения¹¹. Как и «Orbis pictus», они ориентированы на «формирование общего кругозора» [Школьные пособия..., 2017. С. 292]. Но в сравнении с «Orbis pictus» визуальный ряд таблиц гораздо больше тяготеет к эмблематике и даже схематике. Это подводит нас к разговору о следующем типе изображений, использованных Жуковским в «Курсе».

В описанных выше таблицах по русскому языку Жуковский для пояснения некоторых понятий использует не рисунки, а *схемы*. Так, например, слово «век» у него изображается квадратом, разбитым на 100 клеточек, слово «месяц» – схемой фаз луны. Схематизация здесь явно подчинена логике иносказания. Схема выступает и обозначением, и своеобразной метафорой обозначаемого. Кровнородственная лексика («отец», «мать», «сын», «дочь», «брат» и т. д.) изображается с помощью специальных знаков (лица женского пола обозначаются квадратами, мужского – кругами, родственные связи между ними – линиями). Еще чаще схемы используются Жуковским в таблицах по математике¹². На л. 2 с помощью схем поэт вводит, например, понятия числа и дроби.

Схемы используются Жуковским в качестве планиметрических транскрипций рисунков, изображенных рядом с ними. Например, Жуковский рисует одиночное дерево, затем ряд деревьев, потом рощу, а сбоку от этих рисунков изображает то же самое в виде схем, составленных из квадратов¹³ (рис. 3). На л. 6, 6 об. он наклеивает гравюры с городскими и загородными видами (вероятно, Дюссельдорфа и Франкфурта-на-Майне – именно в этих городах жили Жуковские в 1842–1848 гг.), а на л. 3, 3 об. размещает карты и планы этих мест (карту Рейна, карту Франкфурта-на-Майне с обозначением Саксенхаузена – района, в котором жили Жуковские, план сада, планы расположения комнат и мебели в доме Жуковских). Очевидно, что, опираясь на непосредственные впечатления дочери, поэт пытался выработать у нее навыки абстрактного, понятийного, «схематического», а не образного мышления. Подобная стратегия элементарного обучения («развитие чувственных впечатлений в отчетливые понятия» [Педагогическое наследие..., 1989. С. 324]) была декларирована уже Песталоцци, но в данном случае Жуковский опирался, по-видимому, на методику И. Рамзауера, изложенную в книге «Любовь в воспитании и образовании» (Ramsauer, 1846; подробнее см.: [Долгушин, 2018]).

Рис. 3. Таблица по математике (фрагмент). РНБ. Ф. 286. О. 1. № 132-а. Л. 2 об.

Fig. 3. Mathematics table (fragment). RNB. S. 286. L. 1. № 132-a. Sh. 2 v.

¹¹ Главной целью при этом было, в отличие от «Orbis pictus», изучение не латинского, а русского языка с опорой на немецкий и французский – языки домашнего общения в семье Жуковского.

¹² РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 132-а.

¹³ Там же. Л. 2 об.

Наиболее оригинальным средством визуальной дидактики Жуковского, вероятно, следует признать специально разработанные им *мнемонические символы*. Они были введены поэтом в педагогический оборот еще в период обучения наследника престола и использовались преимущественно в преподавании истории. При работе над «Курсом» Жуковский применил их в таблицах по Священной истории (см.: [Ребеккини, 2017]). В начале этих таблиц он помещает своего рода словарь 70 знаков мнемонического языка, т. е. толкование значений используемых им символов¹⁴. Например, отрезок означает эпоху, точка – знаменательное событие, скрещенные стрелы – вражду, серп – сельское хозяйство, деревья – лес, кораблик – путешествие по морю, начальная буква имени с короной над ней – императора или короля, начальная буква имени с папской тиарой – римского папу и т. д. (рис. 4)

Рис. 4. Таблица с объяснением мнемонических символов (фрагмент).

РНБ. Ф. 286. О. 1. № 131. Л. 1

Fig. 4. Table with an explanation of mnemonic symbols (fragment).

RNB. S. 286. L. 1. № 131. Sh. 1

Мнемонические символы в словаре организованы в соответствии с определенной логикой: первый столбец содержит обозначения исторических лиц (первая буква имени), к которым с помощью пиктограммы добавляется обозначение ролей (ученый, поэт, святой, кардинал и т. д.) и действий (рождение, смерть, убийство, пытка, ссылка и т. д.). Второй столбец содержит более детализированные пиктограммы, скорее миниатюрные рисунки – обозначения мест и событий (крепость, храм, город, крестовый поход, битва и т. д.). Третий столбец содержит комбинации буквенных символов и пиктограмм, конкретизирующих событие или состояние (битва у стен города, армия на марше или в отступлении и т. д.).

С помощью этих знаков можно было «свертывать» нарративный текст в схематический конспект-таблицу. Этот процесс можно наглядно проследить и по записям Жуковского в рабочих тетрадях, и по маргиналиям в книгах – особенно в тех, которые он собирался исполь-

¹⁴ РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 131. Л. 1.

зовать в учебном процессе ¹⁵ (рис. 5). Наиболее полно такие опыты представлены в рабочей тетради № 56 ¹⁶ (они относятся к наброскам материалов по Священной истории). На левой стороне разворота тетради Жуковский помещает краткий конспект излагаемой темы. С правой стороны разворота этот же конспект шифруется с помощью мнемонических знаков.

Рис. 5. Маргиналии В. А. Жуковского в книге [Dittmar, 1846]

Fig. 5. Zhukovsky's marginals in the book [Dittmar, 1846]

¹⁵ См., например, (Dittmar, 1846).

¹⁶ РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 56.

Рис. 6. Таблица по Священной истории (фрагмент). РНБ. Ф. 286. О. 1. № 131. Л. 4 об.

Fig. 6. Biblical history table (fragment). RNB. S. 286. L. 1. # 131. Sh. 4 v.

Принципы визуального отображения связности ряда символов, использованные Жуковским, разнообразны. Это могут быть действительно ряды, расположенные горизонтальными ярусами, таблицы с ячейками различной формы, комбинации символов и элементов естественного языка в поле, ограниченном рамкой (рис. 6).

Идентифицировать характер взаимодействия знаков различной природы в этой гетерогенной среде непросто, принимая во внимание разнообразие терминологических подходов в современной исследовательской литературе [Максименко, 2012]. Наибольшее распространение в ней получили два термина, применяющиеся для обозначения семиотически неоднородных (синкретичных) текстов, – «поликодовые» и «креолизованные» (хотя есть и множество других терминологических вариантов – «контаминированные», «гибридные», «видеовербальные», «изовербальные» и т. д.).

Термин «креолизованные» (эпизодически используемый и раньше) вошел в научный оборот в 1990 г. благодаря Ю. А. Сорокину и Е. Ф. Тарасову, предложившим называть так тексты, «фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой / речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» (цит. по: [Ворошилова, 2013. С. 16]). Термин «креолизованные» получил широкое распространение, но значительная часть исследователей предпочитает ему введенный еще в 1974 г. Г. В. Ейгером и В. Л. Юхтом термин «поликодовые». Вопрос о том, как соотносятся эти два термина, до сих пор окончательно не решен. Зачастую они употребляются вполне синонимично. Иногда высказываются призывы упразднить один из них – отказаться от термина «креолизованные», поскольку он излишне метафоричен и неточен. Наиболее перспективными представляются попытки сохранить оба термина, строго разграничив при этом их употребление. Так, А. А. Бернацкая предлагает использовать термин «поликодовые» в качестве родового понятия для обозначения негомогенных текстов, а термин «креолизация» – для обозначения «степени и самого факта участия» в их создании «элементов разных семиотик» [2000. С. 106]. М. Б. Ворошилова предлагает «поликодовыми» называть такие негомогенные тексты, в которых элементы разных знаковых систем находятся в отношениях синсемантии, т. е. имеют одинаковую значимость для текста – так, что невозможно пропустить или заменить один из них [2013. С. 20–21]). Термин же «креолизованные» она предлагает использовать «для обозначения текстов, в структуре которых знаки различных семиотических систем вступают в более сложные отношения – взаимовлияния, взаимодополнения и т. д.» [Там же. С. 21]. Сделав обзор терминологических подходов, вернемся к анализу «Курса» и постараемся с помощью обсуждаемых исследователями терминов описать его специфику.

Несомненно, «Курс» в семиотическом отношении негомогенен. Он состоит из двух частей: визуальной (графической) и вербальной. Проблема в том, что Жуковский успел создать (и то не полностью) только визуальную его часть – таблицы по языку, математике и Священной истории. Вербальная же часть так и не была им написана, хотя она, несомненно, предполагалась (без нее таблицы не поддаются однозначному истолкованию). О том, какой именно она должна была быть, можно только догадываться. Если вспомнить аналогичные разработки Жуковского времен педагогической службы при дворе, можно предположить, что в некоторых случаях она бы состояла из конспектов, подобных тем, которые под руководством Жуковского издавались и переписывались для наследника престола.

Конспекты эти (в обиходе их называли «программами») представляли собой сокращение устного нарратива, т. е. тех объяснений, которые учитель давал на уроке, содержали опорные термины, имена, названия, понятия, их толкование и отображали логику изложения материала. Опираясь на эти конспекты, таблицы, а также на записи, сделанные во время урока, ученик должен был составить письменное или устное изложение услышанного, которое и проверялось преподавателем. Таким образом, динамика учебного процесса представляла собой чередование «свертывания» и «развертывания»: учитель «свертывал» нарратив сначала в конспект, а затем в мнемонические символы; ученик проделывал обратную операцию: «развертывал» мнемонические символы и конспекты в нарратив.

В этом случае визуально-графическая составляющая (таблицы) взаимодействовала с вербальной (нарратив и конспекты) по типу отношений взаимозависимости (в терминологии Е. Е. Анисимовой [2003. С. 12]). Ее наличие обуславливалось прагматикой педагогической ситуации (необходимость увлечь ученика и облегчить запоминание), а не синсематической симметрией текста: вербальная часть могла существовать и без визуальной, а визуальная без вербальной – нет, следовательно, «выполняла вторичную, дополнительную функцию» [Там же]. Данная модель реализована в материалах «Курса», относящихся к Священной истории, поэтому их вполне можно считать креолизованными (в терминологии М. Б. Ворошиловой).

Материалы по языку и математике имеют другую природу – их следует отнести к поликодовым (в терминологии М. Б. Ворошиловой). Они (в отличие от Священной истории) устроены не линейно, и прилагавшиеся к ним вербальные тексты не имели самостоятельного значения, представляя собой, скорее всего, задания и правила эвристической игры.

Факт взаимодействия в «Курсе» различных семиотических систем имел для Жуковского принципиальное значение. Столь сложная «комбинация текстовых единиц с особыми языками (словесными и символическими), дискурсами и нарративами или стилями изложения» [Маамуд Ангуло, 2014. С. 426] требовала от ученика максимальной сосредоточенности на поиске значений. Процесс концентрации, «свертывания» содержания в визуальные знаки-идеограммы, а затем нарративного развертывания его в процессе ответа ученика, очевидно, и составлял методическую основу визуальной дидактики в «Курсе». Обратим внимание, что это соответствует той «дедуктивно-индуктивной» методологической установке, о которой Жуковский писал в предисловии к своему «Курсу»¹⁷. По замыслу Жуковского, общая последовательность обучения должна была определяться чередованием дедуктивного (от общего к частному) и индуктивного (от частного к общему) подходов. Индуктивный подход Жуковский собирался реализовать на подготовительной стадии, т. е. той, для которой и предназначался «Курс». На этом этапе, по его замыслу, необходимо было, опираясь на доступные ребенку представления, сформировать у него систему понятий, в которых в «свернутом» виде заключается все содержание дальнейшего обучения. На следующей стадии (уже выходящей за пределы «Курса») вступал в действие дедуктивный подход: система понятий конкретизировалась, «развертывалась» и получала наполнение в процессе преподавания предметных дисциплин. Подобная «индуктивно-дедуктивная» стратегия уже была реализована Жуковским в 1826 г. при разработке плана учения наследника престола.

Заключение

Неразвитость современной Жуковскому визуальной дидактики заставляет искать истоки замысла «Курса» в иных сферах. Вероятно, на него повлияли такие виды семейного общения взрослых и детей, как домашняя фантазийная игра (проигрывание книг и сюжетов), настольная игра (карточные и иные обучающие игры, кассы слов и т. д.), игра в шарады. Очевидно также влияние переводческой деятельности Жуковского и определенной специфики его творческого сознания, своеобразной «привычки к переводу», проявляющейся в множатся

¹⁷ РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 128. Л. 1об.

способах передачи одного значения в разных формах, визуальных и метафорических. С другой стороны, привычка к метафорическому «переводу», иносказанию, формировалась эмблематической традицией, распространенной в педагогике XVIII в. Также, видимо, на замысел «Курса» повлияло увлечение эпохи криптографией, в рамках которого процесс перевода одних знаков в другие становится созданием тайны, понятной лишь посвященным.

Графика в «Курсе» выступает инструментом решения педагогических задач. Это не только реализация дидактического принципа активности, но и создание пространства игры, объединяющей преподавателя и учеников, родителей и детей. Обучение осуществляется на «своем» языке, понятном ограниченному кругу вовлеченных в игру. У этой игры есть своя атрибутика, которая удерживается на символическом уровне, есть игровой мир, в котором играющие манипулируют не только символами, но и материальными объектами – картами, таблицами, картонами. Обучение в форме игры должно облегчить деавтоматизацию семантических операций, выработку привычки к продуманному означиванию символов и продуманному обозначению предметов, явлений и процессов; выработку навыков дедукции и индукции, компрессии и декомпрессии, восстановления потерь информации, произошедших при ее сжати (рисунок – рассказ; рисунок – схема; рисунок – схема – рассказ).

Список литературы

- Анисимова Е. Е.** Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Академия, 2003. 128 с.
- Бернацкая А. А.** К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние // Изв. Урал. гос. пед. ун-та. Серия: Лингвистика. 2000. № 3. С. 104–110.
- Ворошилова М. Б.** Политический креолизованный текст: ключи к прочтению. Екатеринбург, 2013. 194 с.
- Жуковский Г. А.** Пушкин и русские романтики. М.: Худож. лит., 1965. 356 с.
- Добровольская Е. Б.** «Это педагогическая поэма». В. А. Жуковский – воспитатель своих детей // В. А. Жуковский и русская культура: Сб. науч. ст. СПб., 2005. С. 182–195.
- Долгушин Д. В.** Иконическая и словесная репрезентация текста в «Живописной Священной истории» В. А. Жуковского // Духовно-нравственные основы российской культуры и образования: Сб. науч. ст. / Отв. ред. М. И. Стрельцова. Новосибирск, 2015. Вып. 3. С. 57–72.
- Долгушин Д. В.** «Педагогическая поэма» В. А. Жуковского (по неизданным материалам) // Сибирский филологический журнал. 2018. № 1. С. 89–106.
- Педагогическое наследие. Я. А. Коменский, Д. Локк, Руссо, И. Г. Песталотти / Сост. В. М. Кларин, А. Н. Джуринский. М.: Педагогика, 1989. 416 с.
- Маамуд Ангуло М.** Контексты, репрезентативность и текстовые единицы: три методологических принципа в исследовании учебных пособий в Испании // «Начало учения дѣтем». Роль книги для начального обучения в истории образования и культуры: Сб. ст. / Под ред. В. Г. Безрогова, Т. С. Маркаровой. М.: Канон+, 2014. С. 419–446.
- Максименко О. И.** Поликодовый vs креолизованный текст: проблема терминологии // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2012. № 2. С. 93–102.
- Никонова Н. Е.** В. А. Жуковский – современник педагогического века Германии: немецкая литература о воспитании и творческие искания поэта 1840–1850-х гг. // Имагология и компаративистика 2014. № 1. С. 87–124.
- Ребеккини Д.** Мир символов: мнемонические таблицы В. А. Жуковского и их значение // Жуковский: Исследования и материалы / Гл. ред. А. С. Янушкевич. Томск: ТГУ, 2017. Вып. 3. С. 238–257.
- Ромашина Е. Ю., Тетерин И. И., Старцева Н. М., Фуртова Г. А.** Очевидная грамота: визуальный ряд российских азбук и букварей XIX – начала XX в. Тула: Дизайн-коллегия, 2019. 268 с.

- Ромашина Е. Ю., Тетерин И. И.** Визуальный ряд российских азбук и букварей: методология исследования // Источники исследования о педагогическом прошлом: интерпретация проблем и проблемы интерпретации. М.: МПГУ, 2019. С. 253–258.
- Уткинский сборник. Письма В. А. Жуковского, М. А. Мойера и Е. А. Протасовой / Под ред. А. Е. Грузинского. М., 1904. 302 с.
- Школьные пособия раннего Нового времени. От Часослова к *Orbis sensualium pictus* / Под ред. К. А. Левинсона, Ю. Г. Куровской, В. Г. Безрогова. М.: Памятники исторической мысли, 2017. 400 с.

Список источников

- Жуковский В. А.** Соч. 8-е изд. СПб., 1885. Т. 6. 640 с
РГБ. Ф. 104. Карт. 1. № 21 (Журналы учения А. В. Жуковской).
РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 128 (Жуковский В. А. Материалы о преподавании, о грамматике, материалы для «Живописной Священной истории»); № 131 (Таблицы «Живописной Священной истории»); № 132-а (Таблицы для практического курса первоначального обучения); № 132-б (Таблицы для практического курса первоначального обучения); № 133 (Мнемоника. Восемь таблиц).
- Dittmar H.** *Geschichte der Welt*. Bd. 1–4. Heidelberg, 1846–1851. (инв. номер НБ ТГУ 16247).
La Bible. Traduction de la Vulgate par Le Maistre de Sacy. Ancien Testament. Nouvelle édition, ornée de figures gravées sur acier. Paris, 1834–1836. Т. 1–3. 1267 р. (инв. номер НБ ТГУ 12048)
- Ramsauer J.** *Die Liebe in Erziehung und Unterricht*. Ein Büchlein für Eltern und Lehrer, namentlich für Mütter aus den gebildeten Ständen. Zum Andenken Pestalozzi's und zu seinem hundertjährigen Geburtstage. Elberfeld & Meurs, Verlag der Rheinischen Schulbuchhandlung, 1846. 304 S. (инв. номер НБ ТГУ 13915).

References

- Anisimova E. E.** *Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov)* [Linguistics of the Text and Intercultural Communication (Based on Creolized Texts)]. Moscow, Akademiya Publ., 2003, 128 p. (in Russ.)
- Bernatskaya A. A.** К проблеме “креолизации” текста: история и современное состояние [On the Problem of “Creolization” of the Text: History and Current State]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seria: Lingvistika* [Ural State Pedagogical University Bulletin. Series: Linguistics], 2000, no. 3, p. 104–110. (in Russ.)
- Dobrovolskaya E. B.** “Eto pedagogicheskaya poema”. V. A. Zhukovsky – vospitatel' svoikh detey [“This is a Pedagogical Poem”. V. A. Zhukovsky as Educator of His Children]. In: V. A. Zhukovsky i russkaya kul'tura [V. A. Zhukovsky and Russian Culture: An Academic Anthology]. St. Petersburg, 2005, p. 182–195. (in Russ.)
- Dolgushin D. V.** “Pedagogicheskaya poema” V. A. Zhukovskogo (po neizdannym materialam) [“Pedagogical Poem” by V. A. Zhukovsky (Based on Unpublished Materials)]. *Siberian Journal of Philology*, 2018, no. 1, p. 89–106. (in Russ.)
- Dolgushin D. V.** Ikonicheskaya i slovesnaya reprezentatsiya teksta v “Zhivopisnoi Svyashchennoi istorii” V. A. Zhukovskogo [Iconic and Verbal Representation of the Text in the *Picturesque Sacred History* by V. A. Zhukovsky]. In: *Dukhovno-nravstvennye osnovy rossiiskoy kul'tury i obrazovaniya* [Spiritual and Ethical Bases of Russian Culture and Education]. Ed. by M. I. Streltsova. Novosibirsk, 2015, iss. 3, p. 57–72. (in Russ.)
- Gukovsky G. A.** *Pushkin i russkie romantiki* [Pushkin and Russian romantics]. Moscow, Khudozhestvennaya littratura Publ., 1965, 356 p. (in Russ.)
- Maamud Angulo M.** Konteksty, reprezentativnost' i tekstovye edinit'sy: tri metodologicheskikh printsipa v issledovanii uchebnykh posobii v Ispanii [Contexts, Representativeness and Text

- Units: Three Methodological Principles in Study of Textbooks in Spain]. In: “Nachalo ucheniya detem”. Rol’ knigi dlya nachal’nogo obucheniya v istorii obrazovaniya i kul’tury [Starting Learning as a Child: The Role of Books in Early Education in History of Learning and Culture]. Ed. by V. G. Bezrogoва, T. S. Markarova. Moscow, Kanon+ Publ., 2014, p. 419–446. (in Russ.)
- Maksimenko O. I.** Polikodovyi vs kreolizovannyi tekst: problema terminologii [Polycode vs Creolized Text: a Terminology Problem]. *Vestnik RUDN. Seria: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Bulletin. Series: Theory of Language, Semiotics, Semantics], 2012, no. 2, p. 93–102. (in Russ.)
- Nikonova N. E.** V. A. Zhukovsky – sovremennik pedagogicheskogo veka Germanii: nemetskaya literatura o vospitanii i tvorcheskie iskaniya poeta 1840–1850-kh gg. [V. A. Zhukovsky as a Contemporary of the Pedagogical Age of Germany: German Literature about Education and Creative Searches of the Poet in the 1840–1850] *Imagologiya i komparativistika* [Imagology and Comparativistics], 2014, no. 1, p. 87–124. (in Russ.)
- Pedagogicheskoe nasledie. Ya. A. Komensky, D. Lokk, Russo, I. G. Pestalottsi [Pedagogical Heritage. Ya. A. Komensky, D. Lokk, Russo, I. G. Pestalottsi]. Comp. by V. M. Klarin, A. N. Dzhurinsky. Moscow, Pedagogika Publ., 1989, 416 p. (in Russ.)
- Rebekkini D.** Mir simbolov: mnemonicheskie tablitsy V. A. Zhukovskogo i ikh znachenie [The World of Symbols: Mnemonic Tables of V. A. Zhukovsky and Their Meaning]. In: Zhukovsky: Issledovaniya i materialy [Zhukovsky: Studies and Materials]. Ed. by A. S. Yanushkevich. Tomsk, TSU Press, 2017, iss. 3, p. 238–257. (in Russ.)
- Romashina E. Yu., Teterin I. I.** Vizual’nyi ryad rossiiskikh azbuk i bukvarей: metodologiya issledovaniya [Visuals of Russian Alphabets and Primers: Research Methodology]. In: Istochniki issledovaniya o pedagogicheskom proshlom: interpretatsiya problem i problemy interpretatsii [Sources for Studies on Pedagogical Past: Interpretations of Problems and Problems of Interpretation]. Moscow, MPGU Publ., 2019, p. 253–258. (in Russ.)
- Romashina E. Yu., Teterin I. I., Startseva N. M., Furtova G. A.** Ochevidnaya gramota: vizual’nyi ryad rossiiskikh azbuk i bukvarей XIX – nachala XX v. [An Obvious Letter: the Visual Range of Russian Alphabet and Primers of the 19th – Early 20th Centuries]. Tula, Dizain-kollegiya Publ., 2019, 268 p. (in Russ.)
- Shkol’nye posobiya rannego Novogo vremeni. Ot Chasoslova k Orbis sensualium pictus [Early Modern School Aids. From the Horologion to Orbis sensualium pictus]. Ed. by K. A. Levinson, Yu. G. Kurovskaya, V. G. Bezrogov. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli Publ., 2017, 400 p. (in Russ.)
- Utkinskij sbornik. Pis’ma V. A. Zhukovskogo, M. A. Mojer i E. A. Protasovoj [Utkino collection. Letters from V. A. Zhukovsky, M. A. Moyer and E. A. Protasova]. Ed. by A. E. Gruzinsky. Moscow, 1904, 302 p. (in Russ.)
- Voroshilova M. B.** Politicheskii kreolizovannyi tekst: klyuchi k prochleniyu [Political Creolized Text: Keys to Reading]. Ekaterinburg, 2013, 194 p. (in Russ.)

List of Sources

- Dittmar H.** Geschichte der Welt. Bd. 1–4. Heidelberg, 1846–1851. (Inv. no. SB TSU 16247).
- La Bible. Tradition de la Vulgate par Le Maistre de Sacy. Ancien Testament. Nouvelle édition, ornée de figures gravées sur acier. Paris, 1834–1836. T. 1–3. 1267 p. (Inv. no. of SB YSU 12048)
- Ramsauer J.** Die Liebe in Erziehung und Unterricht. Ein Büchlein für Eltern und Lehrer, namentlich für Mütter aus den gebildeten Ständen. Zum Andenken Pestalozzi's und zu seinem hundertjährigen Geburtstage. Elberfeld & Meurs, Verlag der Rheinischen Schulbuchhandlung, 1846. 304 S. (Inv. no. SB TSU 13915).
- RGB [Russian State Library]. Stock 104. List 1. Dossier 21. (in Russ.)

RNB [Russian National Library]. Stock 286. List 1. Dossier 128, 131, 132-a, 132-b, 133. (in Russ.)
Zhukovsky V. A. Works. 8th ed. St. Petersburg, 1885, vol. 6, 640 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
30.12.2020

Сведения об авторах

Долгушин Дмитрий Владимирович, доктор филологических наук, доцент кафедры истории и теории литературы и кафедры истории, культуры и искусств Гуманитарного института НГУ (Новосибирск, Россия)
D_Dolgushin@mail.ru

Панина Нина Леонидовна, доктор искусствоведения, доцент кафедры истории и теории литературы и кафедры истории, культуры и искусств Гуманитарного института НГУ (Новосибирск, Россия)
pa.nina@mail.ru

Information about the Authors

Dmitry D. Dolgushin, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor of Department of Theory and History of Literature and of Department of History, Culture and Arts of Institute of Humanities of NSU (Novosibirsk, Russian Federation)
D_Dolgushin@mail.ru

Nina L. Panina, Doctor of Sciences (Arts), Associate Professor of Department of History, Culture and Arts of Institute of Humanities of NSU (Novosibirsk, Russian Federation)
pa.nina@mail.ru